

Целительница: начало

Светлана
Воропаева

Хочешь ли ты стать счастливой сейчас?

16+

Светлана Воропаева

Целительница: начало

«Автор»

2019

Воропаева С.

Целительница: начало / С. Воропаева — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-98170-6

Каждая девушка мечтает о счастье. Но не каждая понимает, что счастье не приходит извне, оно растёт у тебя внутри – через боль и сомнения, самопознание и принятие себя, мимолётную эйфорию и каждодневные горести, потери и опыт. Готова ли ты стать счастливой сейчас? «Целительница» – это любовно-мистический роман о простом счастье совсем непростой Виктории Пятницкой, обладающей магическим даром, который становится для неё и благословением, и проклятием.

ISBN 978-5-532-98170-6

© Воропаева С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Светлана Воропаева

Целительница: начало

Глава 1

Виктория Пятницкая замерла на тротуаре. Мимо проносились машины, проходили люди, текла чужая суетливая жизнь. А она стояла и смотрела в небо. Уже и забыла ведь, каким оно может быть красивым. Сегодня вот – голубое в облачных пятнах. Всю рабочую неделю Вика мечтала о чем-то подобном. Ей необходимо было одиночество – временное, конечно, но необходимо. И вот наконец-то Пятницкая была одна: только она, небо и солнечная весна.

Незаметно день перешёл в вечер, Вика почувствовала, как устали ноги, лёгкий озноб пробежал по телу. Всё-таки весна – не лето. Захотелось тепла, и она зашла в первое попавшееся кафе. Присела у окна в уютном углу зала и только углубилась в изучение меню, как услышала знакомый голос.

– Вика, привет, – сказал Алексей Смолин, без спроса присаживаясь за столик.

– Здравствуй, – как можно спокойнее ответила она.

Если в ней ещё и трепыхалось желание увидеть этого человека, то оно было запрятано в наглухо заколоченных тайниках души. Вика вспоминала Алексея лишь в редкие минуты слабости под соусом из мыслей: «Из-за чего бы ещё мне пострадать сегодня».

– Как твои дела? – буднично спросил он.

– Хорошо, – продолжая сохранять спокойствие, ответила Пятницкая. – Твои?

– Тоже хорошо.

Обязательная программа была выполнена, и Вика уже собиралась сказать что-то вроде: «Ну и славно, что у тебя всё хорошо. Давай как-нибудь созвонимся... потом!» – но Смолин успел задать вопрос, исключающий красивый финал:

– Ты здесь одна?

– Да... – промямлила Виктория, и в её голосе не было радости: это был прекрасный день наедине с собой, но появление Алексея всё испортило.

– Замечательно, тогда присоединяйся к нам! Я тебя со своими друзьями познакомлю, будет Лена. Они скоро подойдут.

Виктория усмехнулась карикатурности происходящего.

– Это улыбка сарказма? – спросил Смолин отчасти резко, но беззлобно.

– Что ты! Я предвкушаю предстоящую встречу, – сказала она, чеканя каждое слово и неприлично широко улыбаясь. – Соскучилась по Лене.

– Вик, не нужно театральных эмоций, – одёрнул её Алексей.

– А мне нравятся мои театральные эмоции, и меняться в угоду тебе в мои планы не входит! – с жаром произнесла Виктория, а затем добавила: – Давай я и дальше продолжу эмоционаровать, а ты пойдёшь?!

– Всё ещё злишься? – усмехнулся он.

– Не злюсь, просто не понимаю, ради чего я должна поддерживать этот разговор. Лучше нам не заходить дальше вопроса «как дела», – резюмировала Пятницкая, поднимаясь из-за столика. – Кстати, как себя чувствует твоя мама? – вдруг полюбопытствовала она.

– Плохо, – понурился Алексей. – Почему ты спросила? – поинтересовался он, словно опомнившись.

– Не знаю, – честно ответила Вика. Она, зависнув в раздумье, постояла ещё пару секунд, пожала плечами и пошла к выходу.

Дверь неудачно выбранного заведения бесшумно затворилась за её спиной. Пятницкая сделала несколько шагов вниз по ступенькам крыльца и внезапно почувствовала, что все её думы вытеснила одна-единственная мысль: «Помоги ей». Она встряхнула головой, чтоб осколки раздумий, словно в калейдоскопе, сложились в новую картинку. Однако сигнал стал лишь чётче.

«Помоги ей!» – призывал девушку рекламный щит на крыше соседнего дома. «Помоги ей», – слышала она в щебетании сидящих на ветке воробьёв. «По-мо-ги ей», – отстукивали каблуки мимо проходящей женщины. Пятницкая же упорно игнорировала сигнал, надеясь, что его отменят.

«Помоги ей», – рисовали дети мелом на асфальте. «Помоги ей!» – гласил заголовок газеты, которую нёс под мышкой проходящий мимо мужчина. «Помоги ей!» – задувал в уши ветер. «Помоги ей! Помоги!!!» – уже орало пространство. В ушах звенело. Тело будоражили бесконтрольные потоки энергии.

«Хорошо!!!» – мысленно взывала девушка, и сигнал наконец-таки исчез.

Всё ещё находясь в некоем дурмане, Вика прислонилась к стене ближайшего здания. Её сердце, как отбойный молоток, долбило рёбра. Однако понемногу стали возвращаться привычные слух и зрение, ведь она приняла сигнал.

«Что я так разнервничалась? – подумала Пятницкая. – Почему старалась не замечать сигнал? Дело-то плёвое, часа на два, не больше. Человек она хороший, даже замечательный. Я ей знакома, так что дверью перед моим носом не хлопнет, как бывало иногда с другими. Глядишь, и чаем напоит. Зачем тянуть? Но, чёрт бы вас побрал, Высшие силы, мне так не хочется лезть в эту семью... – Вика почти рыдала. – Да-да, я помню, что уже согласилась... Только заметьте: не добровольно», – упрекнула она пространство. И тут же ветерок скользнул по уху, мягко предупреждая... Девушка улыбнулась: «Хорошо-хорошо. Молчу».

Она оторвалась от стены и направилась к ближайшей станции метро. По силе сигнала Виктория Пятницкая понимала, что лучше всё сделать сегодня и даже сейчас, потому как ситуация явно критическая. А ещё потому, что ей не хотелось попасть под какой-нибудь ливень или град за непослушание Высшим силам. И Алексей был точно занят в этот вечер. В общем, надо было действовать.

* * *

Дорога от Чеховской до Отрадного заняла не больше двадцати минут. Из метро налево, потом метров двести прямо через сквер – и вот он, обычный панельный дом на окраине Москвы, некогда белый с голубым. Теперь цвета дома потускнели, как и воспоминания Вики о тех днях. Ещё несколько лет назад она мечтала поселиться в этом доме с Алексеем... С Алексеем и его матерью. И её это совсем тогда не смущало.

Вика поднялась на седьмой этаж, подошла к нужной двери и позвонила. Через пару мгновений ей отворили.

– Здравствуйте, Надежда Ивановна, – искренне улыбнулась Пятницкая.

– Здравствуй, Вика. Проходи, – доброжелательно сказала истощённого вида женщина, вовсе не удивляясь этому визиту. Седина прядями покрыла её некогда белокурые волосы, щеки впали, фигура пропала за худобой. Однако мать Алексея всё ещё держала осанку и делала вид, что ничего не происходит.

Надежда Ивановна внешне сильно изменилась со дня их последней встречи. А её хорошее отношение к Виктории осталось прежним. И Пятницкая отвечала ей взаимностью: всё-таки мать Алексея когда-то была для неё будущей свекровью.

Вика молча зашла в квартиру, начала снимать пальто и сапоги.

– Алёши ещё нет. Он обещал быть часа через два, – продолжала Надежда Ивановна. – Мы пока с тобой чаю выпьем, проходи на кухню. Только накрой на стол сама, пожалуйста. Ты ведь знаешь, где у нас что лежит.

Порой девушка смотрела на человека, с которым ей предстояло работать, и думала: «Ну зачем такого на земле держать, нечисти и без него хватает!» – но, стискивая зубы, всё же выполняла команду Высших сил, а сейчас ей было даже приятно предстоящее.

– Это хорошо, что вы снова возобновляете... хоть какие-то отношения, – улыбнулась мама Алексея, медленно присаживаясь на стул.

Вика повторила её улыбку в ответ и начала молча хозяйничать на кухне. Когда стол был накрыт, а чай разлит по чашкам, она решила, что эту идиллию пора прекращать и самое время перейти к делу, ведь у неё в лучшем случае осталось только полтора часа до прихода Алексея.

– Надежда Ивановна, я не к Алексею пришла, а к вам, – спокойно сказала Вика.

– Ко мне? – удивилась та. – Я чем-то могу тебе помочь?

– Нет, – покачала головой Пятницкая. – Я вам могу помочь, – сделала она акцент на «я».

– Чем? – не поняла Надежда Ивановна.

Виктория смотрела в глаза женщины, уставшие от боли, но не потерявшие искру. Она думала, как наилучшим образом выстроить разговор. Рассказать с подробностями, кто она на самом деле, приправив покаяние парой мыльных историй на тему, как это бывает? Или сразу ошарашить её откровенными признаниями о своих сверхспособностях и работать, пока она ещё тёпленькая? Впрочем, вспомнив об ограниченности во времени, Виктория решила на блицкриг.

– У вас рак желудка. Уже есть метастазы в лёгких и печени.

– Это ещё проверяют, – улыбнувшись, поправила Надежда Ивановна, но Вика даже не обратила внимания на её комментарий.

В медицинских терминах Пятницкая не была сильна и вполне допускала ошибку в диагнозах, совершенно не отличая, например, фибрилляцию от аритмии сердца. Только сидя рядом, отделённая от тела женщины лишь метром кухонного стола, Вика остро чувствовала, что количество жизненной энергии в Надежде Ивановне слишком мало. Она еле тлела, как фитиль в испорченной массе воска. А значит, смерть была очень близко.

– В итоге врачи подтвердят, что рак в запущенном состоянии. Почему его не выявили ранее, они объяснить не смогут. Вам захотят назначить операцию для того, чтоб установить какую-то трубку. Вы же почти не можете есть? Вас тошнит после этого. Быстро провести операцию в России не получится. Придётся ждать, даже за деньги. Также непонятно, как вас перевезить в Израиль или Германию, вы слишком слабы, да и там нужно найти клинику, договориться, чтоб вас приняли. Это время, а у вас его нет. Но я могу помочь. Я могу исцелить вас, и операция не потребуется. Вы будете здоровы, если вы этого хотите и если дадите мне своё согласие на исцеление прямо сейчас. Вы согласны? – Вика сыпала фактами, которые ей посылало пространство, чтоб сделать разговор более предметным, а заявления – правдивыми.

У Виктории не было выбора: подчиняясь Высшим силам, она была обязана принять сигнал и исцелить человека. У больного же человека выбор был всегда. Он мог не согласиться на исцеление, тогда Виктория отступала и не имела права настаивать.

Незыблемое правило: все действия осуществляются только с согласия человека. Если тот был в бессознательном состоянии, надлежало обратиться к его душе. Под душой в этом случае подразумевалось то, что остаётся и после физической смерти. Душа, монада, бессознательное, самость, сущность, высшее Я – так много названий, так много верований и толкований, а суть одна.

Надежда Ивановна молча смотрела на Вику, та же сканировала женщину, оценивая масштабы её проблем со здоровьем, и покорно ожидала ответа.

Первое, что воцарилось в голове умирающей женщины, – страх. Понятно, не каждый день тебе объявляют, что ты не протянешь и пары недель. И неважно, что чувствовала женщина себя совсем плохо, надежда теплилась, врачи ещё не поставили смертельный диагноз. Потом Надежду Ивановну обуяли мысли о скорой кончине. А затем снова победила вера во врачей. Только ненадолго.

«Она молодец, – подумала Вика. – Сильная, не сдаётся, борется со своими эмоциями». Но тут и Вике досталось от Надежды Ивановны: «Кто она такая?! О чём говорит?! – загуляли в голове умирающей женщины возмущённые мысли. – Вика, оказывается, сумасшедшая, вот почему её Алёша оставил. Мне ничего не сказал. Почему? Или не поэтому? Разве мог он об этом не знать? Или она действительно что-то может? Отчего же сын ничего не говорил...»

Вика всё ещё ждала. Время тикало. Когда табор дум Надежды Ивановны пошёл на третий круг, стало ясно, что пора это прекращать.

– Решайте, Надежда Ивановна. Решайте сейчас. Пара пассов руками – и вы здоровы. Или не здоровы, если я всё это придумала, – усмехнулась Вика. – Подумайте, что вы теряете, если я всего лишь помашу возле вас руками?

– Ничего, – неуверенно произнесла мать Алексея.

Можно было поднажать, закидать фактами из прошлого, сказать пару громких фраз о ценности жизни, о том, что нет смысла медлить, когда и так терять нечего. Только Виктория старалась быть мягче с человеком, ей не посторонним. Не хотелось совсем разрушать привычное видение мира бедной женщины. А тем более говорить, что её смерть просто некстати, поэтому Вика и послали это исправить. И ничего личного.

– Пожалуйста, решайте, – попросила Виктория, и Надежда Ивановна сдалась.

– Хорошо. Что я должна делать? – всё тем же неуверенным голосом произнесла она.

– Ничего, я всё сделаю сама. Вы просто сядьте поудобнее... – Пятницкая встала со стула и подошла к окну: – Мне нужна пара минут, чтоб настроиться, – прокомментировала она свои действия.

Вика всматривалась в небо, попутно натягивая воображаемые перчатки на руки и припавшая их собственной слюной к запястьям. Меры безопасности, чтоб болезнь не перешла в тело исцеляющего. С детства она представляла, что у неё жёлтые резиновые перчатки, предназначенные для уборки помещений или работы в огороде. В своём роде Вика тоже была уборщицей, только личного пространства другого человека. Иногда, когда ей не хотелось заниматься врачеванием и она начинала нервничать по этому поводу, никак не могла натянуть перчатки. От этого ещё больше нервничала, так как ожидающий больной тоже начинал раздражаться, наблюдая за происходящим. Только Высшим силам нужен был положительный результат вне зависимости от внешних факторов: затраченные усилия на выполнение поручения не шли в зачёт.

В небесах уже обозначилась луна, еле различимая в городском смоге. Облаков не было, а значит, вся сила луны была доступна Пятницкой. При необходимости можно было использовать и внутреннюю энергию, но девушка предпочитала оставлять её в резерве. Глупо опустошаться при наличии внешнего источника силы.

«Луна, милая, дай мне силы», – трижды произнесла про себя Виктория.

По телу пробежал лёгкий холодок. Контакт был установлен. Вика протянула правую руку к небу. На пальцы опустился лунный свет.

Входя в рабочее состояние – состояние видения, а не смотрения, она могла ощущать лунный свет, чувствовать лёгкий холод в местах его касания. Любое движение энергий становилось для неё осязаемым, и мир приобретал иные очертания, наполнялся разноцветными сгустками энергий – разной плотности, протяжённости и формы. Взяв достаточно энергии от луны в руку, Вика вернулась к смотрению – состоянию, когда потоки ощущались, но не имели

видимых очертаний. Она сформировала из энергии шар и повернулась в сторону Надежды Ивановны, готовясь к самой процедуре.

Женщина пристально наблюдала за Викторией, снова и снова прокручивая одну и ту же мысль в голове: «Вика всё же совсем плоха. Как бы её к психотерапевту отвезти? Сейчас Алёшенька придёт, поговорим с ним об этом. Нельзя оставлять девочку в таком состоянии».

– После отведёте, когда я закончу, – осекла её Вика.

Мать Алексея встрепенулась, села излишне ровно на стуле и перестала моргать.

– Да, пока читаю ваши мысли, но не беспокойтесь, это пройдёт, как только я закончу.

«Так не бывает. Может, это я схожу с ума?» – закопошились новые мысли в голове у обескураженной женщины.

Пятницкая выключила трансляцию мыслей Надежды Ивановны, понимая, что начинает злиться. А злиться ей сейчас не следовало, это лишняя потеря энергии в неурочный час.

Виктория подошла сбоку к Надежде Ивановне, присела на колени и поднесла к ней правую руку в область желудка спереди, а левую руку – сзади. Образовался канал, по которому заструился лунный свет: от правой руки Виктории к левой. Когда свет достиг левой руки Вики, она еле успела подавить стон. В глазах померкло от боли, но девушка сумела удержать канал и тут же выставила блок в своём сознании, не позволяющий воспринимать ей боль другого человека, как свою. Перчатки защищали её тело от непосредственного воздействия негативной энергии, но о чувственной составляющей она забыла.

«Господи, как же ей больно!» – воскликнула про себя Вика. Была бы мать Алексея абсолютно посторонним ей человеком, ничего бы не случилось, так как изначально не было бы эмоциональных связей. Но в этом случае стоило защититься целиком, а она забыла. Как непрофессионально!

Лунный свет полностью перетёк в левую руку. Вика сжала эту руку в кулак, спрессовывая энергию, а затем резко втокнула её в маленький железный шарик с полостью внутри. Теперь можно было подняться с колен и пересест на стул.

«Высшие силы, спасибо за помощь. Отдельное спасибо тебе, Луна, что дала мне энергию. Спасибо!» – Пятницкая склонила голову перед Высшими силами и выдохнула – теперь можно было расслабиться до следующего сигнала.

– Возьмите, – протянула она шарик Надежде Ивановне. – Его нужно закопать на территории любого кладбища.

Возможно, Надежда Ивановна ждала ритуальных танцев со свечами, крестами и пучками трав, но у Вики ещё ни разу не возникало желания разыгрывать спектакль, напуская на себя излишнюю важность. Практически всегда Пятницкая использовала энергию Высших сил: луны, солнца, воды, леса – и всё равно после ощущала некое опустошение, куда уж тут до театральных действий. Глупости всё это.

Вика сняла блок с ощущения чужих чувств, стянула перчатки и включилась в текущий момент. Сделала глоток уже остывшего чая и обратилась к Надежде Ивановне:

– Как вы? Всё хорошо?

Мать Алексея молча кивнула.

Вика понимала, что физически у неё всё хорошо, но вот психологически – пока не очень. Должно пройти время для принятия случившегося.

По телу Пятницкой начала растекаться слабость, её стало клонить в сон. Внутренним взором она просканировала себя и поняла, что в суматохе использовала собственные ресурсы для постановки блока на чувствительность, а не силу луны. И теперь ей тоже нужно было время, чтобы восстановиться.

– Я пойду, – учтиво произнесла Вика. – Не провожайте меня, насколько я помню, дверь у вас сама закроется, если её захлопнуть.

Мать Алексея опять только кивнула.

Пятницкая встретила Смолина, когда выходила из подъезда. Тот так удивился, что не смог даже сказать что-нибудь внятное. А пока он собирал мысли в кучку, Вика воспользовалась его ментальной заминкой и успела скрыться за поворотом, избежав нежелательного разговора.

Глава 2

Вечер пятницы. Миновала очередная рабочая неделя – спокойная и размеренная. Без приключений и сигналов. В такие дни Виктория с головой погружалась в неспешный ритм своей обычной жизни и делала вид, что она такая же, как все.

Она подошла к входной двери квартиры, где жила вместе с родителями. Достала из сумки ключи. И вдруг почувствовала, что слева на лестнице кто-то стоит, буравя взглядом её бок. Пятницкая резко обернулась, выронила ключи и вздрогнула – то ли от звука падения ключей на бетонный пол, то ли от внутреннего напряжения.

– Испугалась, – улыбнулся Алексей, поднимая ключи и протягивая их девушке.

Виктория выдохнула.

– Да. Почему ты здесь?

– Пришёл лично пригласить тебя на ужин, ведь дистанционных средств связи с тобой у меня нет. Так что я поднапрягся. Ты оценила?!

– Бесспорно! – на лице Виктории появилась ехидная улыбка. – Поделится бы, что ли, со мной чувством собственной важности. Разделённое на двоих, оно стало бы вполне сносным.

– После поболтаем, а сейчас пора идти, – прервал Алексей направленный на него саркастический поток.

– Я не пойду, но спасибо за приглашение, – очень учтиво отказалась Вика.

– А если я скажу, что не только ради меня, но и по просьбе моей мамы?

– Я отвечу также: нет.

– Вот упрямая, я даже не думал к тебе приставать, мы просто хотим отблагодарить тебя, так сказать, в семейном кругу.

– Жаль. Может, на приставания я бы и среагировала, а так нет, – отшутилась Виктория, а потом серьёзно добавила: – Я принимаю благодарность, Лёш, спасибо. Только ужин – это уже лишнее, к тому же в вашем семейном кругу. Пригласите Лену, мне бы на её месте было приятно.

– Ну перестань ты злиться на меня! – покачал головой Смолин, громко выдохнув.

– Знаешь, злюсь, – честно призналась Вика. – Я реально всё ещё злюсь. И что?!

– Дай мне шанс искупить мою вину! Пойдём на ужин.

– Лёша, я же не обвиняю тебя, я просто злюсь. Это разные вещи. При чём здесь ты и твоя вина? Я не хочу с тобой общаться. Мне тяжело.

– Вика, так не пойдёт, – покачал Алексей головой. – Ты вылечила мою мать, я тебе теперь должен...

– Не должен, – прервала его Виктория. – Ты поблагодарил, я приняла благодарность. Мы в расчёте.

Пятницкая старалась говорить спокойно, но ей это плохо удавалось. Очередная встреча с Алексеем давалась тяжело, очень хотелось побыстрее оказаться дома одной. Ком подкатил к горлу, нахлынуло чувство горестной утраты.

– Это неправильно! – безапелляционно заявил Смолин. – Я ничего не хочу слушать, пойдём!

– А что правильно, Лёш?! – сорвалась Пятницкая. – Что ты в знак своей благодарности навязываешь мне то, что я не хочу делать? Почему я вдруг стала вам чем-то обязана?!

– Ради моей матери, – напомнил он с упрёком. – Она очень хотела...

– Я уже сделала всё, что могла для неё сделать. А теперь, пожалуйста, выполни мою ма-а-аленькую просьбу: оставь меня в покое.

– Не знал, что в тебе столько жестокости, – нахмурился Алексей.

– Чудесно, ещё один повод не общаться со мной, – подытожила Виктория.

Резким движением она открыла дверь в квартиру и шумно захлопнула её за собой, а потом сползла по двери вниз и зарыдала в полный голос.

– За что, Высшие силы? За что? Почему вы свели нас вновь? Будто забыли, сколько боли принесли мне этот человек и чувства к нему? Пожалуйста, пусть он уйдёт.

На всхлипы Виктории из комнаты выглянула мать:

– Вижу, что у тебя что-то случилось. Поговорить хочешь?

– Нет, – чуть успокаиваясь, ответила девушка.

– Коврик у двери – это хорошо, попа не замёрзнет, но на кровати рыдать удобнее, – без излишней заботы заметила мать.

– Спасибо, я поняла... – Вика поднялась и медленно прошествовала мимо неё в свою комнату.

Обида Вики на Алексея усиливалась, а вот рыдать ей уже не хотелось. Благоприятный момент для слёз был безвозвратно утрачен. Теперь Пятницкая никак не могла определиться, на что обидеться сильнее – на то, что Алексей снова появился в её жизни, или на то, что он желал быть обязанным ей по гроб жизни.

Ещё маленькой девочкой Виктория решила, что не будет общаться с людьми, которых вылечила, и тем более с их родственниками. Признательность исцелённых не льстила ей. Возвеличивание до уровня Бога смущало. И выводило из себя то, что в последующем такие люди начинали прибегать к ней с каждым порезанным пальцем и совсем не хотели понимать, что не Виктория Пятницкая решала, кого и когда лечить. Всё, что она умела, – повиноваться велению Высших сил. Её семье даже пришлось пару раз переезжать из города в город, пока они не остановили свой выбор на Москве, слишком большой и многоликой, чтобы кто-то искал повторной встречи исключительно с целительницей Викторией.

Сколько Пятницкая себя помнила, у неё всегда был дар исцелять. Она родилась с ним и с осознанием, как им управлять. Девушка просто знала, что нужно делать, и всё. Не читала оккультных книг, не имела наставника, не училась управлять силой. Её родители были обычными людьми. Однако они знали об особенностях своего ребёнка и принимали Вику такой, какой она была, не вмешиваясь в её целительские дела и не упрекая за бездействие, когда болел кто-то из близких, а она не получала сигнала от Высших сил на исцеление.

– Каков гусь этот Алексей, а? – в сердцах ругалась Вика, проговаривая все свои обиды вслух. – Как обычно с порога стал устанавливать свои порядки: если он хочет, я должна. Нет, теперь у него есть вечно задолжавшая ему Лена, пусть ей и командует! – Охватившая её ненависть к Лене пенила кровь: – Вы ещё заплатите, девушка, за то, что увели у меня мужчину. Как только придёт раскаяние, сразу начнёте платить. А оно придёт. Уж я-то знаю законы этого мира. Хотя что я злюсь на неповинную Лену... Не она причина моих горестей, это Алексей предпочёл её мне. Значит, она оказалась лучше. Но я-то чем не угодила? В постели ублажала, рубашки гладила, маме его нравилась. Чего ему не хватало? Почему он не сказал, что ему чего-то не хватало? – Слёзы вновь потекли рекой. – И он ни при чём, – начала успокаивать себя Вика, – на всё воля Высших сил. Просто не по судьбе человек. Только больно так, словно по судьбе.

Больше года Виктория работала над тем, чтоб пережить разрыв с Алексеем. Читала книги по психологии, применяла различные техники из гештальт-терапии для выведения из своего сердца ненависти к нему и Лене, а заодно боролась и с чувством собственной вины. Она была уверена, что всё хорошо, что ей удалось наладить полноценную жизнь без этого мужчины. Оказывается, нет. Вика врала сама себе. Первая же встреча показала, что не было великого избавления, она лишь переложила гнетущие её чувства подальше от сознательной области. И теперь тайник вскрыт. Жаль, что не разграблен.

– Но что я должна была тогда сделать? Любила, как умела, отдавала всё, что могла. Ушла быстро, без скандалов. Раз решил – будь счастлив. Раз до сих пор с Леной – значит, правильно решил. И не нужно рушить нашу берлинскую стену, так комфортнее, – вновь завывала она.

К тому же Алексей теперь знал о её даре, и это была вторая причина, по которой она не хотела его больше видеть.

– Не хочу! – резюмировала Пятницкая.

В комнату заглянула мама. Убедившись, что глаза Виктории уже не на мокром месте, она буднично уведомила:

– Если кому-то интересно, на кухне стынет свежесваренный зелёный чай с мятой, – и тут же удалилась.

Вика чуть улыбнулась этой фразе: мама была права, настало время окончательно успокоиться.

* * *

Ложка гремела о стенку чашки. Вика размешивала кусочек рафинада так, словно высыпала в чашку всю сахарницу. Мать первая прервала молчание:

– Мы с твоим отцом собираемся сегодня вечером к Петровым на дачу. Часов в девять. Хочешь, поехали с нами? Может, тебе с людьми в полном расцвете сил и не очень интересно, зато сможешь напиться на природе, – улыбнулась она.

– Мам, когда мне стукнуло восемнадцать, вы стали вполне приятной компанией, а вот пить с вами даже в свои двадцать четыре я так и не научилась, – усмехнулась Вика.

– Были б живы родители, я б и сейчас не смогла доброкачественно выпивать с ними в свои-то пятьдесят, – засмеялась мама. – Наверное, недоработки в воспитании.

– Ещё какие! – подхватила Виктория. – На меня они тоже распространились! – И не к месту добавила: – Я вылечила мать Алексея. У неё был рак.

– Я думала, он по другой причине днями напролёт обивает пороги.

– Что, это не первый раз? – удивилась Виктория.

– Не первый. С понедельника ходит как на работу. Но вы удивительным образом не встречались до сегодняшнего дня.

– И звонил?

– И звонил. И просил новый номер твоего мобильного телефона, – пояснила она.

– Ты не дала, – благодарно констатировала факт Вика.

– Нет, всё-таки тебя я люблю больше, чем его, – покачала головой мама.

– Мама, что это значит?! Это ты его так защищаешь? – возмутилась Виктория.

– Я его уважаю, – улыбнулась она. – Защитить себя он может и сам.

– Мне бы твою лёгкость по жизни и понимание мужчин, – позавидовала Вика. – Я же тогда ненавидела его до красных глаз. Думала, видеть не хочу. А как увидела, не могу выбросить из головы. Комок сплошных противоречий. И зачем мне это? А ты с отцом уже так долго и так счастливо... В кого я у вас такой уродец?

– Моя хорошая... – мама подошла к ней и обняла. – Ты смотри не на свои эмоции, они проходят, смотри на чувства, которые остаются, когда уже нет минутного накала страстей. Хочешь ли ты быть с ним? Готова ли прожить жизнь с этим человеком, несмотря на неурядицы текущего дня? Учись не быть категоричной и не руби с плеча. Нет идеальных людей, нет идеальных отношений.

– Мам, он мне изменил! – запротестовала Вика.

– А ты его в ответ сразу бросила, не дав возможности высказаться, – парировала мама. – Но сейчас он зачем-то к тебе ходит, а ты почему-то всё ещё думаешь о нём. И как минимум вам стоит поговорить о том, что случилось тогда.

Вика в смятении обхватила голову руками:

– Мама, если мы сейчас не закончим этот разговор, то я сегодня однозначно напьюсь. И желательно в компании незнакомых мужчин.

– Только в дом незнакомцев не води, – театрально погрозила пальцем мама.

– Естественно, не буду. Зачем мне мужчина без собственной жилплощади? – пробурчала девушка.

– Выростила меркантильную дочь! – усмехнулась мать. – С кем пойдёшь заливать горе?

– С Машей, конечно. Её номер у тебя есть.

– Я просто спросила.

– А я заранее ответила, – сказала Виктория, решительно встала и пошла наряжаться для выхода в свет.

* * *

Длинные тёмные выющиеся волосы Пятницкой развевались на ветру. Она стояла перед новомодным кафе-баром «Синий кролик» и чуть не плакала: Маша в последний момент позволила и отменила их поход в московскую ночь. Личная жизнь подруги была более устроенной и иногда, в самый неподходящий момент, давала о себе знать, срывая их общие планы.

Виктории очень хотелось выгулять новое красивое платье, но пить одной не было никакого желания, поэтому она решила вернуться домой. Час был ещё не поздним, около десяти вечера, и Пятницкая посчитала возможным поехать на метро.

Не дойдя до входа в метро буквально десять метров, Виктория наткнулась на скопление людей, окружавших что-то. В центре толпы на асфальте лежала женщина лет сорока пяти. Какой-то мужчина неумело, но настойчиво делал ей непрямой массаж сердца. У женщины случился инфаркт, к тому же второй. Вика знала, что даже если врачи приедут сию минуту, они не смогут спасти умирающую – ей суждено уйти. Настроение Пятницкой окончательно испортилось: принять неотвратимость смерти она до сих пор не могла. Но топтаться среди зевак тоже не было резона, и она пошла дальше.

– Вика! – услышала она, когда уже собиралась спуститься в переход. И тут же кто-то схватил её за руку и с силой развернул.

С лёгкостью балерины на тонких высоких каблуках она сделала поворот на сто восемьдесят градусов, при этом, правда, чуть не упав, будучи не готовой к столь молниеносному па.

– Не убегай, пожалуйста, – остановил её Алексей, совершенно не замечая своей грубости.

– Пожалуйста, отпусти мою руку. Ну или хотя бы не сжимай так сильно, – попросила Вика.

– Извини, не рассчитал, – смущённо произнёс Алексей и, спохватившись, разжал свою крепкую хватку. – Я не ожидал тебя здесь увидеть, но обрадовался, когда понял, что это твоё яркое пальто мелькает в толпе. Не хотел упустить и этот шанс.

– Да уж, шансов у тебя в последнее время хоть отбавляй, – грустно улыбнулась Вика, понимая, что это относится и к ней.

– Ты домой? Тебя подвезти? А лучше давай посидим где-нибудь? Выпьем кофе, чай – что угодно, – скороговоркой предложил Алексей.

– Вообще-то я хотела сегодня выпить, – честно призналась Виктория. – Но оказалось не с кем. Маша в последний момент отказалась приехать. Так что место собутельника вакантно.

– Приятная тема для пятничного вечера, только сначала нужно где-нибудь удачно поставить мою машину, а то я бросил её посреди дороги, увидев тебя.

Они не стали излишне напрягаться поиском нового места и разместились в «Синем кролике», выбрав спокойный зал: там не танцевали девушки на стойке, не грохотала весёлая музыка, а мужчины не высматривали глазами новеньких и хорошеньких женщин в качестве вечерней добычи, да и женщины тоже не выискивали себе мужчин.

Виктория заказала бокал красного вина, Алексей и вовсе решил не пить, ссылаясь на нежелание оставлять машину в центре Москвы.

– Ты отвратительный собутыльник, мне придётся пить одной. Я больше тебя не позову на такое мероприятие, – с иронией упрекнула Вика.

– Ты и так меня ни на какие мероприятия не зовёшь, так что не испугала, – усмехнулся Алексей. – А трезвым я тебе пригожусь больше: отвезу потом домой, а пока здесь буду блюсти твою честь и покой.

– Вот это плохо, покоя мне сегодня как раз и не хотелось. Я планировала выпить и познакомиться с кем-нибудь.

– Здесь?! – не на шутку удивился Алексей. – Поэтому у тебя такое откровенное платье? Такой вырез...

– Именно здесь, так как никаких обязательств.

– Так и со мной можно, – заулыбался мужчина, пронзив Викторию пристальным взглядом.

Девушка, замороженная его голубыми глазами с неприлично длинными ресницами, окончательно загрустила и прошептала:

– С тобой так уже нельзя, – тут же потупив взгляд, чтобы больше не смотреть на подтянутого красавца в тёмно-сером костюме.

Алексей же решил не продолжать неудобную тему и неожиданно спросил:

– Почему ты не помогла той женщине?

– Настало её время. Я бы вмешалась в правильный ход событий, – выдала Вика заученную фразу.

– Но ты могла помочь, – не услышал её Смолин.

– Алёша, нет слова «могла», если так не должно было быть. Я бы вмешалась в естественный порядок вещей, у меня нет на это права.

– Вика, ты говоришь глупости. Ты оказалась рядом с ней – значит, так было нужно, и значит, ты должна была помочь.

Пятничная тихо застонала.

– Больше всего на свете я не люблю общаться с людьми, которые знают о моём даре и задают такие вопросы. Наверное, меня и саму это тяготит, но не я решаю, кому помогать, а кому нет. Есть Высшие силы, решают они. Я всего лишь проводник их воли. Также было и с твоей матерью. Я получила задание и выполнила его, как ни удивительно – ничего личного. Вообще ничего.

– Спасибо, я даже не представляю, как могу тебя отблагодарить, – услышал Алексей именно то, что хотел услышать. – То, что ты сделала... Подарок судьбы. Я и не представлял, что такое возможно. Никогда не верил. Но то, что такое можешь ты?! В голове не укладывается. Почему ты не говорила мне об этом? Я думал, ты будешь моей женой, но, оказывается, ничего не знал о тебе. Вика, как ты могла?

Пятничная изумлённо улыбнулась. Его постоянная манера переворачивать с ног на голову любую ситуацию и делать виновным кого угодно, но не себя, всегда потрясала её.

– Алёша, я боялась. Я не знала, как сказать об этом и как ты отреагируешь. Иногда мне кажется, что это не дар, а наказание. Я не принадлежу себе. Я делаю для этого мира работу, и

мир не спрашивает, хочу я делать её или нет. У меня нет отпусков, выходных и перерывов. Я могу получить сигнал в любой момент, и я должна буду исполнить приказ к назначенному часу. И рядом нет ни одного человека, который смог бы ответить на мои вопросы по этому поводу.

– Ты должна была рассказать. Я бы постарался тебя понять, мне было не всё равно, – упрекнул он.

– Мне нужно было больше времени, – смутилась Пятницкая.

– У тебя было три года! Сколько нужно было ещё времени, чтоб рассказать?

– Я боялась. Я не понимала, насколько серьёзны были наши отношения. Я не готова открываться перед каждым...

– Каждым? – осёк её Алексей. – Я предложил тебе выйти замуж. Тебе этой серьёзности было недостаточно?

– Предложил, а потом исчез. Я толком и порадоваться не успела. И где ты, что с тобой и прочее, я узнала лишь от твоей соседки Леночки, которая так же любезно сообщила мне, что все эти дни ты провёл в её объятиях. Господи, как пошло!

– Так ты отвергла меня!

– Я попросила время подумать. Я была настолько радостно ошарашена, что не могла понять, как впихнуть информацию о моём даре в тот разговор. Я лишь хотела отложить его на потом, потому что сразу ответить тебе «да», без правдивого рассказа о себе, было бы нечестно. Ты имел право знать правду. Мне было страшно рассказать тебе о себе.

Оба замолчали. Было непонятно, на кого обижаться за то, что этот разговор случился только сейчас. Первой заговорила Пятницкая, после того как залпом осушила третий бокал вина:

– Когда родители поняли, каким даром я обладаю, мы переехали из Москвы в Тулу, где родилась моя мать. Они посчитали, что в маленьком городке будет проще растить меня. Потом мы переехали в Ярославль, потому что проще в Туле не оказалось. Но и там не стало легче. Я поменяла три детских сада и две школы, прежде чем научилась скрывать свои способности. Детская жестокость удивительна. В первой школе одноклассники хотели сжечь меня на костре во время ежегодной уборки пришкольной территории. Вовремя подросла учительница, я отделалась лёгким испугом. И тогда я окончательно поняла, что не стоит афишировать свой дар. И вообще, я хочу домой. Как-то устала я от этого вечера и разговора. Отвези меня, пожалуйста.

Алексей потянулся через столик к Вике и погладил её по щеке.

– Не надо, – попросила она, а сама прижала щекой его руку к плечу. – Сейчас начну плакать на людях. Тушь потечёт.

– Ты всё равно останешься красивой, – успокоил Алексей.

«Да, и такой же одинокой», – подумала Вика, но не смогла произнести это вслух. Ведь у неё после Алексея так и не сложились ни с кем отношения. Пара скоротечных романов не в счёт.

* * *

На пути к Викиному дому Алексей остановился напротив ночного магазина, чтобы купить что-нибудь попить. Через пару минут Пятницкая с изумлением заметила, как Смолин пересекает проезжую часть, держа в руках вместо воды огромный букет тюльпанов. Эти цветы она всегда любила больше остальных. Улыбнувшись, девушка смущённо потупила взор и вдруг услышала рёв мотора и отвратительный глухой звук, зачем-то похожий на удар. Она в ужасе подняла глаза. Тёмная машина уносилась вдаль на бешеной скорости по абсолютно пустой дороге, будто ничего не случилось. А на асфальте лежал Смолин в неестественной, некрасивой позе, засыпанный такими красивыми цветами.

Виктория выскочила из машины, резко переключилась в режим видения и начала сканировать тело. У него были сломаны позвоночник, правая рука и правая нога. Сотрясение мозга. Почки почему-то сместились, и лёгкое было повреждено...

– Он не выживет, Высшие силы! – застонала она.

А потом, не думая о каких-либо за и против, подняла глаза в небо, на удивление чистое и звёздное. Там луна горела так, словно готовилась выжечь ей глаза. «Полнолуние, как прекрасно», – промелькнуло в голове.

– Луна, луна, помоги, будь добра! – взмолилась Вика и руками стала загребать лунный свет. Здесь нужен был не комочек, а огромный ком целебной энергии.

Не разбирая, где нужно, а где нет, Виктория, как в саван, закутала Алексея в лунный свет, а затем резко одёрнула почерневшую материю.

– Прости меня, милое дерево, но мне больше некуда вылить этот негатив, я не помню, где мои шары, – искренне произнесла она и швырнула тёмный сгусток в ближайшую берёзу, росшую на обочине. – Прости...

Только после этого Виктория оттащила Алексея на тротуар и села рядом. Её слегка кололо. Она забыла про защиту, и часть тёмной энергии просочилась в неё. Сейчас Пятницкая спохватилась, поставила блоки, где успела, но этого оказалось недостаточно. И сил уже тоже было недостаточно, чтобы очистить себя через энергию природы.

Спустя несколько минут Алексей сел рядом с девушкой. Он ощупал своё тело, повертел головой, потряс руками и ногами.

– Спасибо, – поблагодарил он, понимая, что с ним всё в порядке.

Вика молча сидела, глядя в одну точку. Ей сейчас было не до Смолина. Мысленно она перебирала варианты, как ещё можно снизить влияние разрушающей энергии на свой организм, при этом ей очень мешал страх. Пятницкая не понимала, что ей грозит за самовольное использование дара.

– Ты нормально? – обеспокоенно спросил Алексей.

– Не сов-сем, – почти по слогам пролепетала Пятницкая. А потом собрала остатки сил и попросила: – Я хочу остаться одна, Алёша. Мне нужно остаться одной, – затараторила она, попыталась приподняться, но не удержалась на ногах и села обратно. – От берёзы фонит. Нужно выбирать отсюда.

Виктория сделала ещё одну попытку встать. Та оказалась удачной. Алексей пока просто наблюдал, как она медленно и неуверенно бродит возле машины. Ему тоже нужно было время, чтобы выбрать правильный вариант дальнейших действий. Но что он точно не собирался выбирать, так это расклад, при котором Вика останется сегодня одна.

– Я хочу домой. Я очень хочу домой, – словно ребёнок, повторяла и повторяла Пятницкая.

Озноб усиливался. Ей становилось хуже. Но она боялась прекратить движение, чтоб не обмякнуть окончательно.

– Воды. Воды ты не принёс? – спросила она.

– Нет, милая, забыл, – тяжело вздохнул Алексей. – Извини.

– Зря, – излишне чётко произнесла Пятницкая и, шатаясь, пошла сама через дорогу к магазину.

– Вика! – окликнул Смолин. – Ну что ты делаешь?! Садись в машину, я сам схожу. Откуда вдруг в тебе появились феминистские наклонности?!

– В машину? – переспросила Вика, обернувшись на речь Алексея, а потом на странный приближающийся звук. – Ма-ши-на...

На Пятницкую неслась машина, и времени уйти в сторону уже не было. Эта тёмная улица словно притягивала лихачей, готовых, невзирая на дорожные знаки, проверить скоростные

характеристики своих автомобилей. Вика закрыла глаза и представила, как было бы хорошо сейчас оказаться именно в Лёшкиной машине, как он и говорил ей. Он, её бывший мужчина. И почему она не слушала его раньше? Всё было бы хо-ро-шо...

Пятницкая открыла глаза. Мимо зачем-то мелькали дома и фонари. Что-то мелодичное струилось в уши. А ещё слева кто-то дышал. Она повернула голову в ту сторону. Алексей вёл машину.

– Что произошло? – тихо спросила Вика.

– Я не понимаю, – честно ответил Алексей. – Но я рад, что это произошло.

– Алёша, у меня нет сил даже на слова, поэтому давай мы не будем говорить загадками и длинными сложными фразами.

– Ты сдуру вышла на дорогу. Тебя должна была сбить машина. Но ты переместилась в пространстве и оказалась в моей машине. Достаточно коротко и ясно? – уточнил он.

– Вполне, – утвердительно ответила Пятницкая.

– А мне нет, – сообщил Смолин.

Вике было непонятно, как это произошло, но сил на разгадывание головоломки не было, поэтому она приняла всё как данность.

– Мы едем ко мне домой? – поинтересовалась она.

– Ко мне, – отчеканил мужчина.

– А я хочу домой. Ключи в моей сумке. Родителей не будет до воскресенья. Пожалуйста, – из последних сил произнесла Виктория и снова закрыла глаза.

Столь истощённой она чувствовала себя впервые. И даже ощущала, как впали её щеки, как подступили к коже рёбра, как под глазами выскочили синяки. Всё, сегодня она не сможет больше сделать ни одного движения.

Алексей был зол на Вику и обескуражен произошедшим, но одновременно он был рад, что всё обошлось, и вполне обоснованно жаждал объяснений. Но объективная реальность была такова, что оставалось лишь отнести Пятницкую от машины до постели и ждать, пока она придёт в себя.

Глава 3

Алексей лежал совсем близко, когда Виктория открыла глаза. Его дыхание было ровным, непокрытая одеялом грудь слегка вздымалась. Он дремал, лёжа на спине. По телу Вики разлилась нега – как же хорошо просыпаться рядом с любимым мужчиной... Приятная волна тепла пробежала от низа живота к сердцу, и Вика чуть не застонала от удовольствия.

«Вот те чувства, о которых мне говорила мама, – подумала Пятницкая, – чувства, которые превыше сиюминутных драм и обстоятельств. Чувства, которые ощущаются телом, пока логичный разум ещё не набрал обороты после сна. И они явно лучше чувства нелепого стыда от осознания того, что Смолин раздел меня до белья перед тем, как уложить в постель».

– Ты вчера мне сделал предложение? Или прошло уже два года... – с надеждой прошептала Вика.

– Прошло два года, – ответил Алексей, приоткрывая сначала один глаз, потом второй и поворачиваясь к ней.

– Мог бы соврать, – улыбнулась Пятницкая и придвинулась чуть ближе.

– Могла бы тогда и согласиться, – улыбнулся мужчина, не отстраняясь от неё.

– Как я выгляжу? – уточнила Вика.

– Лучше, чем вчера. Вечер субботы. Ты проспала почти сутки.

– Это хорошо. Сон – самый прекрасный лекарь, когда не остаётся ничего другого, – сказала Пятницкая, а потом добавила: – Мне приятно, что ты рядом.

– Мне тоже приятно, – отозвался Алексей, погладив её по волосам. – Вот только что это было, Вик? Ты и телепортироваться умеешь?

– О, это был премьерный показ, – попыталась отшутиться девушка, но получилось не очень, поэтому она перекатилась с бока на спину, чтобы не смотреть в глаза Алексею. – Я не уверена, что это вообще случилось. Я помню, что у меня не было сил, я стояла на дороге, а потом ты отвёз меня... сюда. И я даже не понимаю, где мы. Я не помню всех событий.

– Я видел, как ты переместилась. Ты стояла на дороге, а потом оказалась в моей машине. Раз – и ты уже там. Я это видел. Так же, как видел свою здоровую мать, а потом сам на себе прочувствовал, как ты что-то пропустила через меня – и я стал абсолютно невредимым после того, как меня сбила машина. И я не сумасшедший. Я помню, что меня сбила машина. Но я не понимаю, как это возможно, не осознаю, что это вообще возможно. Моё представление о мире в целом полностью разрушено. И сказать, что я в шоке, – ничего не сказать. Иначе я бы сейчас не лежал просто так с красивой женщиной в постели, рассуждая о паранормальных явлениях, а давно бы склонил её к сексу, и она, то есть ты, была бы не против. Но я не могу чисто физически. Мне в некотором роде не до этого, что меня тоже шокирует.

– Что не меняется в этом мире, так это чувство Лёшкиной важности, – с лёгкими нотками истики усмехнулась Виктория. – Он бы склонил меня к сексу...

– Конечно, ты так ко мне прильнула, что тебя и уговаривать бы не пришлось, – отмахнулся он.

– Просто давно не было секса, – зачем-то начала оправдываться Пятницкая и тут же переменяла тему: – Скажи мне, пожалуйста, где мы?

Вика привстала в кровати и оглядела помещение. Это была спальня с тёмной мебелью в стиле хай-тек. Ничего лишнего, даже стульев или платяного шкафа не было, только кушетка и напольная вешалка для одежды. Светло-бежевые окрашенные стены. Над изголовьем кровати – хаотичное и особо не привлекающее взгляд панно из батика в коричневатых тонах. «Лако-нично, как любит Алексей», – подумалось Пятницкой.

– Мы у меня, – подтвердил Смолин. – Захотел переодеться после аварии.

– Мне тоже хочется сменить хотя бы нижнее бельё.

– Я живу здесь второй год. Это моя квартира. Мы на Мосфильмовской. Я в последнее время часто бывал у матери, ночевал там, потому как она болела, но после нашего разрыва я живу здесь. От Отрадного, конечно, далеко, а вот к работе ближе, да и район интереснее. Готовил тебе сюрприз и планировал сообщить на нашей свадьбе о таком приобретении, как раз ремонт был уже завершён, но ты отказалась выходить за меня замуж.

– Хм, – лишь выдавила из себя Виктория, потому что где-то в области солнечного сплетения всё сжалось и что-то закололо.

«Достался же на мою голову зануда-тиран, никак не уймётся, – подумала она. – Может, и хорошо, что расстались».

– Позвоню маме, скажу, что у меня всё нормально. Беспокоятся, небось. Я ведь вчера не отправила сообщение, что вернулась домой, – вслух произнесла Пятницкая, найдя повод закончить неприятный разговор.

– Я ей позвонил и предупредил, что мы вместе и что ты останешься у меня, – небрежной фразой остановил её Алексей.

– Ну конечно, ты же всегда на шаг впереди, – пробурчала Вика, ощущая, что теперь и ей совсем не хочется секса с ним. – Значит, сделаю себе чай, не сидеть же здесь, на белых простынях, постиранных твоей Еленой Прекрасной.

– Она их и стирала, – подтвердил Смолин.

– Не сомневалась, организовывать процесс так, чтоб всё вертелось вокруг тебя, ты всегда умел, – заключила Вика, натягивая на себя платье. – А алкоголь в этой чудо-квартире есть?

– Не часто ли вы пьёте, девушка? – укоризненно спросил Алексей.

– С учётом количества поводов – нечасто. Да и какая тебе разница, я ж, как ты говоришь, отказалась выйти за тебя замуж. И имею полное право как свободная женщина напиться до беспамятства, вместо того чтобы впадать в него, спасая странных персонажей, которые к тридцати годам не научились правильно переходить дорогу. И неизвестно, какие последствия влечёт за собой это твоё спасение. Так как мандат от Высших сил я на него не получала и негативную энергию сбросила на бедную берёзу или тополь, что за дерево было – не помню, игнорируя все меры безопасности. Вот чёрт! Надо же туда поехать и понять, к чему всё это привело, – закрывая глаза руками, залепетала Вика, а потом решительно произнесла: – Виски! Вином сейчас мне не обойтись, – и, не дожидаясь ответа, отправилась искать кухню в квартире Смолина.

Его ладонь легла на её руку, когда та тянулась открыть крайний правый нижний шкафчик кухонного гарнитура цвета шоколад. И остановила её.

– Вика, я не дам тебе пить сегодня. Я видел твоё состояние вчера, и я вижу сейчас, что ты ещё не восстановилась. Тебе не нужно сейчас пить, – мягко, но настойчиво повторил он и подошёл совсем близко, обняв сзади за плечи и прижав к себе.

– Ты?

– Позволь мне позаботиться о тебе сейчас. Поехали куда-нибудь поедим, а по дороге заедем в то место, и ты поймёшь, что хотела понять. Алкоголь не растворяет неприятные мысли, чувства и даже боль. Будет только хуже. Я знаю. Я много пил, после того как мы расстались. Работа спасает, а алкоголь – нет.

– Ты любишь меня? – не удержалась и спросила Виктория, позволяя себе расслабиться в его руках.

– Не знаю. И это честно. Мы не виделись два года. Я не знаю тебя такой, какой ты раскрываешься для меня сейчас.

Он, конечно, был прав, а она по-женски глупа со своим вопросом. Но после его слов пара слезинок блеснула в её глазах. Пятницкой часто казалось, что она любит Смолина со всем набором прилагающихся страстей: ревностью, желанием, ненавистью, завистью, жадной побеждать его и быть самой побеждённой. Она даже не сравнивала других мужчин с ним,

они почему-то изначально казались недостойными её, а с Алексеем у неё не было сомнений. Поэтому другой в её жизни так и не появился.

– Поехали, – согласилась Виктория, активно высвобождаясь из объятий Алексея. – Выпью виски в кафе, под закуску.

А он в ответ шлёпнул её по попе.

* * *

Смолин и Пятницкая были на месте вчерашнего происшествия минут через сорок. Путь от Мосфильмовской улицы до Дубков не стал близким даже без пробок на дорогах. Припарковались немного поодаль от того ночного магазина. Около него уже стояли полицейский автомобиль и скорая. На дороге лежал человек в неестественной позе. Машина, которая его, по-видимому, сбила, вылетела после столкновения с проезжей части, снесла небольшой зелёный заборчик и ударилась в берёзу рядом с иссохшим деревом. Спасатели пытались вытащить из неё мужчину с окровавленной головой.

– Высшие силы, простите меня, – прошептала Пятницкая в некоем трансе. – Ты отойди от меня, Лёш, мне стоит посмотреть, что теперь с энергетикой этого пространства, – предупредила она и, не дожидаясь ответа, пошла к месту аварии.

Какая-то часть негативного заряда оказалась истрачена на текущий инцидент. Смерть забрала одну жизнь и, вероятно, нацеливалась на вторую. Тут даже Пятницкой было непонятно, выживет человек или нет. Возможны были оба исхода.

Викторию немного мутило, а в голове крутилась мысль: «Как плохо». Однако девушка собралась, сделав три глубоких вдоха в низ живота и медленных выдоха, натянула свои невидимые перчатки на руки, достала металлический шарик из сумки и стянула в него оставшийся в пространстве негатив. Потом достала второй металлический шарик, выхватила свет почти ускользающей за облаками луны и уже собралась было излечить человека с окровавленной головой, как вдруг вспомнила:

– Его согласие... А хочет ли он жить? – прошептала она.

В этот момент мужчину вызволили из железной искорёженной коробки и положили на носилки, и он тихо простонал:

– Да.

«Хочет, – заключила Вика, принимая это за ответ, и совершила все необходимые действия для исцеления. – Семь бед – один ответ. Перед Высшими силами отвечу потом. Когда спросят. Вот ведь врачи удивятся потом в больнице, когда поймут, что человек-то уже здоров, хоть и в крови», – улыбнулась девушка.

Пятницкая вернулась в машину Алексея. Неприятный холодок скользнул по её спине. В машине был кто-то третий. Позади сидел мужчина чуть старше Смолина. Слегка полноватый, но крайне интересной внешности: высокий, широкоплечий, зеленоглазый, с римским профилем и тёмными волосами средней длины в кудрявом беспорядке. Одет он был под стать Алексею – в спокойную классику, несмотря на выходные.

– Прошу прощения, мы не знакомы, – смутилась Вика, оборачиваясь. Но мужчина не ответил.

– Не переживай. Мы тоже не знакомы, – сказал Смолин.

– Лёш, неудачная шутка...

– Это не шутка, милая. Это человек, который вчера сбил меня и уехал, – слишком просто произнёс Алексей. Незнакомец продолжал хранить молчание.

– Зачем он здесь сидит? – всё ещё не понимая, спросила Пятницкая.

– Чтoб поговорить.

– Да, я прям вижу, как он активно разговаривает с нами. И как удачно подобран момент для тёплой дружеской беседы.

– Не язви. Не время, – осёк её Алексей.

– Тогда самое время вернуться на Тимирязевскую улицу, доехать почти до её конца по направлению из центра и свернуть на улицу Пасечная. Там будет кладбище. Мне нужно закопать там пару предметов.

– Мы с тобой об этом тоже поговорим, – отозвался Алексей и поехал по названному маршруту.

Когда Пятницкая вернулась с кладбища и села в машину, молчуна уже не было, хотя прошло не более десяти минут. И на мгновение ей показалось, что того странного мужчины и вовсе не было, но Алексей сказал:

– Я встречу с Виктором позднее. Ты права, не лучший момент для беседы с ним. Мы обменялись телефонами. Сегодня я хочу поговорить с тобой.

– Какой зайка... – наигранно протянула Вика. – Только я, как и ты, пребываю не в том расположении духа, чтоб разговаривать. Я домой хочу, хочу побыть одна, хочу есть и хочу переодеться.

– Пятницкая, а мне всё равно, чего ты хочешь. И практика показала, что твои истеричные мимолётные желания и действия ни к чему хорошему не приводят. И по твоей вине мы когда-то расстались, даже не поговорив. И данный экшен мог бы и не состояться, если б ты всего лишь поговорила со мной тогда в кафе, или у двери твоей квартиры, или в гостях у моей матери. И ты поедешь со мной ко мне домой и будешь отвечать на мои вопросы, сколько бы это ни заняло времени, хоть всю ночь.

Вика не помнила, видела ли она таким Алексея раньше. Он был зол непонятно на кого, но вылиться эта злость могла на кого угодно. Возможно, и на неё. В некотором роде ей было даже страшно. И в то же время неуместные мысли об очередной совместной ночи будоражили её фантазию. Она взглянула на ближайшее надгробие и смущённо хохотнула: «Я ведьма. Думать о таком на кладбище – немыслимо»...

* * *

– Что за розовый ужас ты мне дал? – прокричала Пятницкая из гардеробной. – Да ещё и с начёсом!

Она стояла у зеркала и смеялась в полный голос, прикрывая рот руками, когда рассматривала на себе нежно-розовую пижаму: шаровары и футболку с зайчиком на груди.

– Я Лене купил домашний костюм, ей понравилось, – вполне серьёзно сказал Смолин, заглядывая в комнату.

– Лёш, при всем моём уважении к тебе, я не буду это носить. Это антисекс, я не могу. Даже одна я не могу такое носить. А тут ещё и для Лены. Дай мне что-нибудь другое.

– Другого нет, это единственная новая женская вещь в этой квартире.

– Значит, дай мне что-то своё: футболку, рубашку – что угодно. Эта пижама... это уже чересчур.

– Выбирай любую рубашку, – разрешил он, указывая на ряд вешалок справа, и деликатно удалился.

Вика оглянулась по сторонам. Теперь она видела, что действительно прошло два года и Смолин тоже изменился. Костюм-костюм-костюм, рубашка-рубашка-рубашка, пуловер-пуловер-пуловер, брюки-брюки-брюки. Никакого хаоса или броских цветов. Вся одежда была в крайне спокойных тонах, ровно уложена на полках или развешена на вешалках. И по виду дорогая. Пятницкая посмотрела несколько ярлыков: Brioni, Zegna, Armani. Алексей и раньше

отличался чувством стиля и желанием выглядеть достойно, но в настоящий момент количество этого достоинства набрало ощутимую массу.

– Ты теперь крутой, да? – излишне тихо уточнила Виктория, заходя в гостиную, объединённую с кухней, и разглядывая инициалы, вышитые на манжете рубашки.

– Я и раньше был крутой, ты не особо этим интересовалась. Хотя да, я уже год в новой должности. Стал круче! – улыбнулся Алексей, не сводя с неё глаз. Рубашка была ей длинной, но совсем не скрывала её стройных ног.

– И кто ты теперь в своём ТТК-Банке? Ты же всё там? – скрывая нервную дрожь, продолжила допрос Пятницкая.

– Руководитель департамента стратегии и инноваций. А мне только двадцать девять, заметь, – гордо произнёс Смолин.

– Звучит красиво, – прошептала она, а потом по её щекам заструились слёзы. – Отпусти меня домой, пожалуйста, я больше не могу. Мне невыносимо стоять здесь посреди твоей квартиры в твоей рубашке и думать о том, что я тебя потеряла. Вот такого! У меня и без того была высокая планка для мужчин, а теперь я и вовсе ни с кем не смогу встречаться.

– Милая, что ты вдруг? – заволновался Смолин, подскочил к Вике и взял её за руку. – Я сейчас рядом, ты меня не потеряла. Я всегда готов тебе помочь. Не плачь!

– Что значит «помочь»? Я что, голодаю, чтоб мне помогали? Ты разве знаешь, что такое днём за днём просыпаться одной в постели с пониманием, что, кроме родителей, тебе даже «доброе утро» никто не скажет.

– Милая, ты сама тогда так решила. Ну посмотри на меня, не плачь, – мужчина прижал девушку к себе и начал гладить руками по лицу и волосам.

– Вот теперь мне от этой фразы, конечно, стало легче, – насупилась Вика, утирая слёзы.

– Хм, – по-доброму начал Алексей, – слышу знакомые нотки сарказма, – и поцеловал её в нос.

– Я домой, ладно? – глядя в глаза Смолину, попросила Пятницкая, немного успокоившись от его прикосновений и не пытаясь ускользнуть от них.

– Не ладно. Потому что ты такая красивая в моей рубашке, и я готов хоть десять раз тебе сказать «доброе утро» завтра с утра.

– Только завтра?

– Посмотрим на твоё поведение...

* * *

К двум часам ночи Смолин всё-таки налил девушке вина, и они, взбив подушки, расположились на постели, как на дастархане. На подносе возле бутылки красного красовались половинка плитки шоколада, яблоко и немного сыра. В общем, всё, что нашлось из еды в квартире Алексея. Пиццу должны были подвезти минут через тридцать.

– Я был обескуражен твоим отказом, – вспоминал мужчина. – Потому как взять время «на подумать» – всё равно, что отказать. Ты меня унизила этим. О чём можно было думать? Не понимаю до сих пор. Я тебя любил, ты меня любила. Деньги есть. Не урод. О чём? И если бы не было в твоей голове излишних заморочек, сказала бы «да», а потом бы разбирались.

Пятницкая почти произнесла: «А она без заморочек?» – и тут же сама поняла, что без. Елена – его одноклассница. Обычная девушка, достаточно милая, окончившая какой-то колледж и работающая в салоне красоты администратором. Машка всё про неё когда-то развела. Отрадное и Дубки не очень далеко друг от друга по меркам Москвы, так что нашлись общие знакомые. И этот розовый костюм... Только, что ей сейчас делать, Виктория не понимала. Она всегда была такой – с заморочками. И эти способности... Неужели на роду ей написано быть одной?

– По поводу моих способностей я много чего тебе уже рассказала, – сменила неудобную тему Виктория. – Я и сама владею ограниченным количеством исключительно практической информации. Но я постараюсь объяснить, как сумею. Наш мир – это не только то, что мы видим. Это энергия, а скорее, потоки и сгустки различной энергии. Каждый объект обладает энергией, в том числе эта кровать, эти стены, вино, яблоко, луна в небе, деревья, трава. Попро- сив, я могу взять энергию у чего-либо. Луна или солнце – лучшие источники энергии, потому что бесконечны с точки зрения наших потребностей. Но я также могу взять энергию у дерева или куста. И тогда происходит то, что ты видел. Если забрать много энергии, например, у дерева, или перекинуть много негатива на него, то растение погибнет. Можно работать со своей энергией, но это совсем в крайнем случае. Ты также видел, как истощает меня данный процесс. Когда процедура замещения негативной энергии на чистую завершён, методом замены одной энергии на другую её нужно утилизировать. И лучшее место для этого – кладбище. Потому как там энергии смерти и так много, вреда уже не будет.

– Как ты этому научилась? – спросил Смолин.

– Не знаю или не помню. Я всегда могла видеть мир таким, если входила в несколько изменённое состояние сознания. Это сложно описать словами. А ещё раньше я считала, что способность исцелять доступна мне только после получения сигнала от Высших сил.

– Сигнала?

– Да, когда отовсюду идёт информация, что нужно помочь какому-то человеку. Как было с твоей матерью. Я увидела тебя, а потом хаотично, как морок, мне начала поступать информация, что я должна вылечить твою маму. И в такие моменты я могу очень чётко видеть, что с человеком, что он думает.

– Думает? – уточнил Алексей с настороженностью.

– Я не могу считать сейчас твои мысли, но когда я исцеляю человека, то да – могу. Словно он думает вслух. И мне нужно убирать внимание от его мыслей, чтоб не слышать человека, потому как чаще всего это мешает.

– Что ты имеешь в виду под Высшими силами? – продолжал задавать вопросы Смолин.

– Твоя вера в Бога ещё не сменилась на что-то другое? – Смолин отрицательно покачал головой. – Так вот я имею в виду Бога. Потому как Бог, конечно, един, но у него есть помощ-ники. Они для меня и есть Высшие силы.

– То есть Бог напрямую разговаривает с тобой?

– Лёш, конечно, нет такого, что Бог звонит мне по телефону и говорит: «Спаси Надежду Ивановну Смолину от рака». Но приходит некое осознание, которое ни с чем не спутать.

– Что ещё он тебе говорит? – с непонятной интонацией поинтересовался Смолин.

– Ничего. Я понимаю, как это звучит. Но если ты уже подумываешь, как запихнуть меня в ближайший дурдом в палату с каким-нибудь Наполеоном, то пусть это будет торт. Хоть неуместные вопросы задавать не будет.

– Опять ты обижаешься на ровном месте?! Перестань, ты же понимаешь...

– Понимаю. Поэтому и не хотела тебе о таком рассказывать. Но что удивительно: когда я излечила твою мать, способ тебе был неважен. И всё было хорошо, а когда пошли подробности, то начинается...

– А что начинается? – усмехнулся Алексей, обнимая девушку и прижимая к себе.

– Ну... то, что сейчас начинается, то пусть и продолжается, – игриво ответила Пятницкая.

Глава 4

Хлопнула входная дверь. Вика проснулась, резко открыла глаза, бегло посмотрела на часы – девять утра, потом на Алексея. Он лежал рядом и тоже уже не спал. Смолин молча встал, надел спортивные штаны, футболку и вышел из комнаты, небрежно бросив, не оборачиваясь:

– Это Лена.

– Лена? – нервно прошептала Виктория. От смущения ей захотелось залезть под одеяло с головой.

«Вполне логично, что у Лены есть ключи от этой квартиры», – подумала Пятницкая. Но тогда нелогично, что она находится здесь, да ещё и в постели Алексея. Вика не могла назвать своё положение позорным, но что-то отвратительное в этом однозначно было.

Между тем в квартире стояла обескураживающая тишина, и Пятницкая слышала, как ритмично бьётся её сердце.

Она встала через пару минут, поддавшись порыву хоть что-то сделать, потому что эти молчаливые мгновения казались ей слишком затянутыми. Тело начало ныть от отсутствия процесса. Виктория надела платье – всё то же третий день подряд, натянула чулки, собрала волосы в хвост и села на кушетку. Почти мгновенно снова встала. Сидеть было не только невозможно, но и казалось глупым. Она не понимала: стоит выждать чего-то или нет, что будет правильно, а что ошибочно? А потом решила. Она нервным жестом пригладила брови, как будто кому-то было важно, в порядке они или нет, тяжело выдохнула, собираясь на условный эшафот, и вышла из комнаты.

В огромной гостиной, соединённой с кухней и в некотором роде с прихожей, на белом длинном диване сидела Лена и, практически не моргая, смотрела в сторону спальни, то есть в сторону Пятницкой. Напротив неё на столь же белом кресле сидел Алексей, вероятно, тоже не отрывая от Елены взгляд. В гостиной преобладали белые тона, такие неуместные в воцарившейся тягостной обстановке, и только кухня была островком цвета шоколада, хотя сейчас и она виделась Вике коричневым пятном.

Виктория тяжело вздохнула и, как третья вошедшая в игру, приняла ранее заданные правила молчанки. Она подняла с пола свою сумку, брошенную когда-то возле кресла, на котором сидел Алексей. Тот даже не шелохнулся. Вика присела на пуф в прихожей, надела сапоги, потом сняла своё пальто с вешалки и вышла из квартиры.

Язык прилип к нёбу – очень хотелось кричать, но она не могла. Рот был склеен ужасом от отсутствия слов и действий со стороны Алексея. Зубы стиснулись до боли, чтобы превозмочь душевную муку, разрывающую её изнутри.

О нет, Вика не спрашивала, за что ей это, и не пыталась воздеть руки к небу в мольбах и просьбах. Она явственно ощутила, что программа выравнивания энергетического дисбаланса из-за её недавних целительских свершений, осуществлённых без спроса Высших сил, была запущена. И это было только начало.

Ей очень хотелось, чтоб Алексей вышел хотя бы проводить её, сказать несколько слов на прощание, пусть даже и не пытаясь вернуть. Ну мог же он хоть что-то выдать из себя?! Но этого не случилось, не было смысла медлить у лифта или ждать у подъезда.

– Подскажите, пожалуйста, где метро? – спросила Пятницкая у первого попавшегося прохожего, выходя за ограду жилищного комплекса.

– Метро? – смутился прохожий. – Оно далековато. До станции «Университет» отсюда километра четыре. Тут метров триста-пятьсот до остановки троллейбуса на Мосфильмовской, вот прямо по этой дорожке, – указал он рукой. – Вам нужен 34-й. Лучше так.

– Спасибо! – искренне поблагодарила Вика и зашагала прочь.

Она шла и надеялась, всё ещё надеялась, что Алексей догонит её, позвонит, что-то скажет. Любую белиберду. Ведь выходные, проведённые вместе, не могли быть просто так забыты, не могли быть ничего не значащим эпизодом. Но только её каблуки стучали по асфальту. Никто её не окликал. Телефон молчал.

К счастью, на остановке ждать не пришлось: троллейбус уже виднелся на горизонте. Но, когда тот был метрах в ста от Вики, откуда ни возьмись, выскочил мопед, осёдланный двумя мальчишками. Он пронёсся почти вплотную к тротуару, и пацан, гарцевавший сзади, выхватил из рук Пятницкой сумку.

Там было всё: паспорт, деньги, зарплатная банковская карта, телефон и ключи от квартиры. Вика коротко хохотнула, а потом расплакалась, словно придавленная бессилием. В голове крутилась только одна мысль: «Да как же это?»

Троллейбус распахнул перед Викторией переднюю дверь, но она не вошла. Платить за проезд было теперь нечем. Тогда и троллейбус покинул её, громко хлопнув закрывающейся дверью.

Виктории казалось, что она стоит голая в тёмном лесу. Именно так современный житель мегаполиса ощущает себя, когда остаётся без денег и телефона в неизвестном для него районе. «Как ехать теперь домой? – думала Пятницкая. – Идти пешком? В какую сторону? Как попасть в квартиру, если родителей ещё нет дома? И если их не будет, как уточнить, когда будут?»

В голове был хаос, но в сумбуре неожиданно проклюнулась верная мысль – пойти в полицию. Надо было написать заявление о краже сумки, а особенно – паспорта и ключей от квартиры.

Только у пятого прохожего Вика смогла узнать примерную дорогу к ближайшему отделению. Молоденький полицейский, дежуривший там, сжалился над девушкой и не стал изнурять лишними расспросами, когда она излагала суть проблемы, а после и вовсе дал сто рублей на проезд – этого как раз хватало на троллейбус и метро. Хмурое утро немного скрасилось отзывчивостью ближнего.

Сидеть у подъезда на лавочке при температуре плюс девять градусов было ещё тем тренажёром духа. Периодически Вика поднималась на свой пятый этаж, чтобы отогреться и проверить, не пытается ли кто вскрыть их квартиру, но потом снова спускалась на улицу. Стоять долго на каблуках она уставала, а сидеть на лестнице было холодно. К шестому часу ожидания руки и ноги Виктории совсем замёрзли, и ей очень хотелось снять сапоги на шпильках.

Родители приехали с дачи друзей только вечером, уже в девятом часу.

– Приятно, когда тебя встречают, – по-доброму усмехнулся отец, заметив скукожившуюся на скамейке дочь. – Есть повод?

– Сумку украли, – поникшим голосом оповестила Вика.

– Вот так и провела все выходные у подъезда? – смутился отец. – Пошла бы к Марии Петровне с четвёртого этажа.

– Нет, только сегодня украли. А Марьи Петровны не было, я заходила. И Маши нет дома, к ней я тоже ходила.

– А поз... Ну да, телефон тоже украли, – сам догадался отец. – Ладно, замки уже завтра поменяем, не переживай, не самая великая потеря.

– Да, – согласилась Виктория, вспоминая вдруг Алексея.

Мама ободряюще приобняла её за плечи и повела в подъезд.

* * *

Первым делом Виктория легла в тёплую ванну, которую её озябшие конечности восприняли как обжигающую. Наверное, стоило как-то последовательно увеличивать температуру воды, но было уже поздно, к тому же подняться из ванны у неё не было сил.

«Всё, как в лучших традициях жанра, – думала Вика. – Если жизнь меняется, то вот так стремительно, не давая тебе оглянуться и толком понять, что происходит. Миг – и ты в совершенно иной реальности. Ещё пару дней назад хотелось мирного одиночества, а теперь оно совсем не в радость. Ещё в пятницу привычно было получать сигналы от мира и исполнять его волю, а я зачем-то тогда бурчала в ответ. Теперь же на закате воскресенья совсем неясно, как быть дальше, кого слушать, на что ориентироваться... Вообще неизвестно, каковы сейчас мои возможности в целительстве. Немного жаль утраты привычного течения жизни. И очень сильно жаль, что Алексей вновь взбудоражил мои чувства».

Она закрыла глаза, вспоминая сладость прикосновений Смолина, – и тепло заструилось по коже. Перехватило дыхание, затуманилась голова. Давно ей не было так хорошо. Возможно, поэтому отношения с другими мужчинами не складывались. Секс был важен для неё, для её природы. И если уж когда-то началось с хорошего, то теперь просто невозможно довольствоваться посредственным. Алексей не был у неё первым мужчиной, но с ним было так, словно он был единственным. И осознание этого факта ещё больше огорчило Вику. Она зарыдала, топя в слезах свои утраченные идеалы.

Мама что-то готовила на кухне, когда Пятницкая с мокрыми после купания волосами зашла туда в домашнем платье и тёплых носках.

– Только заварила чай с чабрецом, будешь? – предложила мама, не оборачиваясь. – Отец отказался: читает в гостиной, сказал, что не хочет.

– Буду, спасибо! – обрадовалась Вика. Она налила заварку в большую кружку и разбавила её горячей водой из чайника. – Тебе налить?

– Да, – кивнула мама. – Я скоро закончу.

Девушка налила чай и во вторую чашку, поставила её на стол и начала говорить, не дожидаясь, пока мама обернётся в её сторону:

– Мы поговорили с Алексеем. Не понимаю сейчас, почему мы не поговорили раньше. Так жалею об этом... Казалось, правильно быть гордой женщиной с принципами. Раз он мне изменил, то всё – сердце моё для него закрыто. Только глупо это как-то выглядит сейчас. И очень больно, что у него всё сложилось с Леной.

– Разве ты не с ним провела выходные? – уточнила мать, садясь за стол напротив дочери. – Он звонил нам.

– С ним, потому и знаю, что всё у них с Леной хорошо. У неё есть ключи от его квартиры, и там пара ящиков с её вещами. А у меня есть моя гордость. Только что с того? Мне не хочется ни с кем знакомиться, ходить на свидания, строить отношения. Я ошиблась тогда. Надо было поговорить, рассказать ему о себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.